

Виктор Игоревич Мизин

Ведущий научный сотрудник ИМИ МГИМО

К.и.н

Есть ли будущее у контроля над вооружениями?

В последние годы в российской экспертной и политической среде получили хождение тезис о нежелательности дальнейших шагов в области контроля над вооружениями. Однако такая парадигма представляется ошибочной. При четком соблюдении интересов национальной безопасности контроль над вооружениями может должен обеспечить большую предсказуемость и транспарентность. Уберечь нас от ненужных трат в гонке вооружений, способствовать диалогу с Западом на важнейших направлениях мировой военной безопасности.

В предлагаемом докладе поставлена задача обозначить наши возможные инициативы по данной теме на 7 главных направлениях.

Прежде всего речь идет о выработке обновленной концепции стратегической стабильности, дальнейших сокращения СНВ и решения проблемы ПРО.

1) Для России **стратегическая стабильность** означает некое желаемое состояние в системе взаимоотношений основных участников международных отношений в любых крупных международных конфликтах, которое не позволяло бы им выходить за пределы невоенной, «латентной» фазы. Соответственно, главная цель стратегического сдерживания состоит в предотвращении перерастания конфликта из «латентной» фазы в «демонстрационную» и, прежде всего, в военную, а в случае невозможности недопущения военной фазы — ее купировании на самых нижних ступенях эскалации, без перехода на уровень ядерного конфликта. Российские эксперты также подчеркивают, что переход к полной ликвидации ядерных стратегических арсеналов через их радикальное сокращение невозможен без соблюдения ряда условий. В противном случае сам этот процесс может

увеличить опасность ядерного конфликта, поскольку резко пониженные уровни ядерных потенциалов, да еще в условиях существования крупных группировок противоракетных систем, как бы «притягивают» первый разоружающий удар. При этом в «Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» содержится важнейшее положение о стремлении к полному уничтожению ядерного оружия.

2) На нынешнем этапе Россия подошла к практически к лимиту своих стратегических сил, спускаться ниже которого, как полагают российские военные, означало бы подрывать потенциал сдерживания и наносить ущерб национальной безопасности. В этой связи речь пока что может идти лишь об имплементации уже достигнутых договоренностей в области ядерных вооружений, но никак не о новых глубоких сокращениях, как это предложили нам в 2013 году США.

Однако в будущем возможно продолжение диалога по **проблеме СНВ** при условии решения ряда проблем. Россия подтверждает готовность к ядерному разоружению. Так, в частности, в своем выступлении на заседании Международного дискуссионного клуба «Валдай» 24 октября 2014 года президент России В.В. Путин подчеркнул, что *Москва настаивает на продолжении переговоров по сокращению ядерных арсеналов и готова к самому серьёзному предметному разговору по вопросам ядерного разоружения, – но, естественно, без двойных стандартов.* Россия оставила за собой право выйти из нового договора по СНВ 2010 года, если ПРО США достигнет той стадии развития, когда станет представлять угрозу РФ. Сегодня теоретически было бы важно договориться с США о дальнейших шагах на период после 2020 года. С одной стороны, - чтобы не допускать их произвольного наращивания, поставить под контроль процесс дальнейшего развития и совершенствования ядерных сил, как России, так и США, обеспечить предсказуемость и транспарентность, в том числе за счет обязательных уведомлений.

3) Необходимо принимать в расчет все более тревожные и беспокоящие нас явления в областях, оказывающих воздействие на стратегический баланс, на стратегическую стабильность в целом. Речь идет и об американской **программе ПРО**, и об их усилиях по разработке высокоточного оружия большой дальности, и о наращивании потенциала НАТО у границ России, появлении ударных вооружений в космическом пространстве. Нам, видимо, предстоит вернуться к поиску компромисса по ПРО.

4) Что же касается **нестратегического ядерного оружия**, то позиция России на возможных переговорах - а от них можно и не уклоняться - должна быть направлена в первую очередь на выработку договоренностей, обеспечивающих существенное снижение, а еще лучше - полную ликвидацию стратегической военной угрозы РФ со стороны НАТО, а также американских нестратегических ядерных и стратегических «неядерных» средств, размещенных в пределах досягаемости нашей территории.

5) Новая проблема встает в **связи с Договором о ликвидации ракет меньшей и средней дальности, подписанном в 1987 году**. Россия, как известно, подтвердила свою принципиальную приверженность соблюдению его режима, не намерена возвращаться к производству ракет средней и меньшей дальности, не намерена «ломать» Договор (хотя ряд его положений и требует технических уточнений) в связи с появлением новых видов вооружений, а действия США, в том числе в контексте развертывания глобальной системы ПРО, по мнению Москвы, прямо нарушают Договор. Однако, представляется, что и здесь возможен компромисс. Вполне реально согласование неких новых Меморандумов о взаимопонимании или согласованных определений (по аналогии с Договором по ПРО), которые описывали бы характеристики вновь появившихся технологий систем вооружения и позволяли отличать их от систем средней и меньшей дальности наземного базирования

6) В области **многостороннего разоружения** страны Запада практически полностью разделяют российские подходы, выступают в

поддержку ключевых многосторонних режимов, созданных в частности ДНЯО, Конвенцией о запрещении разработки, производства и накопления запасов бактериологического (биологического) и токсинного оружия и об их уничтожении, Конвенцией о запрещении разработки, производства, накопления и применения химического оружия и о его уничтожении и ДВЗЯИ, а также деятельности ООН, ее разоруженческих органов и Конференции по разоружению в Женеве¹. Нам следует активизировать здесь прежде всего сотрудничество с США и в пятерке постоянных членов

7) В создании новых механизмов **сокращения обычных вооружений в Европе** теперь требуется найти радикально новые подходы - после фактического прекращения действия ДОВСЕ и в условиях резкого нарастания военной активности в регионе, возрождения планов создания «европейской армии» ЕС и роста российских озабоченностей по поводу окружения страны новыми базами НАТО. Если ранее, в начале 90-х гг., в политике НАТО ясно прослеживалась линия на сокращение военного потенциала, были проведены серьезные, более чем на 80%, сокращения американского присутствия в Европе, то сегодня этот процесс после событий на Украине повернут вспять, а Альянс начал масштабное перевооружение. Сегодня, используя площадку ОБСЕ, можно было бы запустить новый процесс с участием 36 сторон - 30 государств-участников ДОВСЕ и 6 государств – членов Альянса, не являющихся участниками ДОВСЕ. Эта работа могла бы вестись в рамках специальных целевых групп, в различных форматах и под эгидой различных организаций (ОБСЕ, Совет Россия–НАТО, НАТО). На нынешнем этапе речь могла бы идти о согласовании ряда мер **по укреплению доверия и транспарентности**, которые реализовывались бы шаг за шагом, стабилизируя ситуацию на континенте в области военной безопасности.
